

ОЛЕГ СЕРГЕЕВ (Йошкар-Ола)

ВКЛАД АЛЕКСЕЯ КАНЦЕРОВСКОГО
В ИССЛЕДОВАНИЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Abstract. Aleksej Kantserovskij's Contribution in the Research of the Mari Language

The article examines the research activities of Aleksej Kantserovskij, teacher of the Kazan Theological Seminary. In addition to the main teaching job he was engaged in scientific work compiling a Mari-Russian dictionary. Unfortunately, the monument remained in handwritten form. The dictionary presents the vocabulary of Meadow Mari and Hill Mari. In addition, the lexicographic work contains a brief comparative grammar for both varieties.

Keyword: Mari language, grammar, lexicography, accentology, orthography.

XIX век, особенно его вторая половина, дал марийскому языку, культуре и просвещению много славных имен. Это прежде всего связано с казанскими учебными заведениями, одно из первых — Казанская духовная семинария (основана в 1723 г., она же академия). В стенах прославленной академии учились и уроженцы земли марийской, среди них с гордостью можно перечислить такие имена, как Федор Ронгинский, Андрей Нурминский, Андрей Кедров (Ф. 116, оп. 1, ед. хр. 43, л. 43). По данным А. Н. Кононова (1982 : 175), только в 1859—1871 гг. в Казанской духовной семинарии марийскому языку обучались 235 человек. Среди получавших высшее образование были такие просветители, как М. П. Ронгинский, В. П. Ронгинский и М. В. Люперсольский ([petergen/com/bovkaloda/duhov/kazda.html](http://petergen.com/bovkaloda/duhov/kazda.html)).

Кузницей кадров в Казани была и учительская (инородческая) семинария. Она открылась в 1872 году. Под руководством Н. И. Ильминского, затем Н. А. Бобровникова семинария подготовила плеяду замечательных марийских учителей. Они работали не только в Марийском крае, но и в других регионах, где компактно проживали марийцы. Многие выпускники Казанской учительской семинарии стали священнослужителями. Если отдельные школьные учителя с энтузиазмом взялись перевести церковные книги на родной язык, то выпускники той же семинарии, будучи священнослужителями, вели службу в церквях на марийском языке — луговом, горном и восточном диалектах. Благодаря выпускникам Казанской духовной семинарии (академии), Казанской учительской семинарии и некоторых учебных заведений Вятки, Нижнего Новгорода, Уфы, Бирска, слободы Кукарки (ныне г. Советск Кировской области) началась переводческая деятельность, составлялись буквари, словари. Книгопечатание перешло на многотираж-

ный уровень. Зародилось и твердо стало на ноги школьное дело. Благодаря передовой марийской интеллигенции начался новый этап развития письменности.

В академии и в семинариях преподавался родной язык учащихся, в том числе марийский. Так, по материалам Национального архива Республики Татарстан, в Казанской духовной академии преподавали такие предметы, как «разделение черемис по языку», «о звуках черемисского языка», «этнографический очерк финно-угорских народов», «названия денег», перевод с этимолого-синтаксическим разбором брошюры «Молитван сила гишан попымы» («О силе молитвы»)» (Ф. 116, оп. 1, ед. хр. 863). Это подтверждает, например, «Ведомость о занятиях по черемисскому языку» за 1897/1898 учебный год.

Поначалу преподавателями родного языка были владеющие «инородческим» языком русскоязычные представители, впоследствии ими становились коренные носители языка. Одним из преподавателей Казанской духовной семинарии в середине XIX века был Алексей Гаврилович Канцеровский. К сожалению, о его биографии нам почти ничего не известно. Его национальность тоже остается загадкой. По данным марийского критика-литературоведа С. Эмана, А. Канцеровский вместе со священником села Параты Казанского уезда (с. Новые Параты современного Волжского района Республики Марий Эл) П. Вишневым участвовал в переводе книги митрополита Санкт-Петербургского Григория «День святой жизни». Марийское название книги: «Святой илышашлыкын кече, але кузе малнем сулукдэ (языкдэ) иляш? Питер олам виктарен — онжошо митрополит Григоридэнэ возыктэн-иштымо». Она была напечатана в 1859 году в Казани (Эман 1939 : 62). А по данным марийского историка Ю. В. Ерошкина (2012 : 162—163) труд был одобрен и издан в 1861 году (в его работе А. Канцеровский как переводчик не упоминается). В книге, как констатирует С. Эман, есть «предупреждение» «точно такого же содержания, что в «Начатках...» издания 1841 года. Это обстоятельство позволяет предположить, что переводы 1841 года были сделаны А. Канцеровским, или Вишневым» (Эман 1939 : 62). Цитируя работу С. Эмана по поводу перевода «Начатков...», их переводчиков (1841) и других религиозных книг, а также акцентируя внимание на составлении рукописных учебников марийского языка, преподавании его в духовных училищах и школах, И. Г. Иванов утверждает, что «это результат деятельности священнослужителей русского происхождения» (1975 : 23—24). И. Г. Иванов (1975 : 23) наряду с неопубликованными грамматиками Т. Удюрминского и А. Филимонова упоминает грамматику А. Канцеровского. На наш взгляд, здесь речь идет о рукописи «Краткое руководство к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям» А. Канцеровского (Сергеев 1994 : 100—106).¹ Коллега по переводческой деятельности А. Канцеровского П. И. Вишневецкий (он же Вишневецкий) в 1835 году окончил Казанскую духовную семинарию. Как полагает Ю. В. Ерошкин (2012 : 162), П. И. Вишневецкий в совершенстве знал луговой марийский язык.

К сожалению, нам неизвестно, сколько лет преподавал А. Канцеровский в духовной семинарии. Можно предположить, что срок был не малый. Преподавая марийский язык, он преобретал опыт педагога, следил за речью учащихся, которые представляли разные марийские диалекты. Не исключено, что и сам А. Канцеровский упорно учил марийский язык. Многолетняя работа в семинарии и собранный тогда языковой материал помогли ему подготовить пособие по марийскому языку для желающих изучать его. Ценнейшей стала работа «Марла оляшъ тунуктэмо сомулъ тюрлюо руш шомакъ-шамычъ-гэ олокъ мари ойомэшь возоктэнь-пыштэмо-шамычъ-дэнэ» («Краткое руководст-

¹ Подобная сопоставительная грамматика лугового и горного наречий написана Аринским сельским священником Александром Смирновым. Она включена в его рукопись «Русско-черемисского словаря» (ОРРК КФУ, ед. хр. 1146). Памятник относится к 1869 г., всего в нем 72 листа, из них 1—20 отведены анализу лугового и горного наречий марийского языка.

во къ изученію черемисскаго языка по обоимъ (луговому и горному) нарѣчьямъ»).

«Краткое руководство к изучению черемисского языка...» занимает листы 4—36. Далее следует словарь «Олокъ-мари ойѡмѡшь пыштэнъ-вѡзоктомо тѡр-лѡ шомакъ-шамычъ» («Черемисскій словарь»), досл. перевод названия рукописи: «Разные слова, написанные на луговомарийском наречии» — листы 37—192. Работа составлена в Казани и датируется 1859 годом (в марийском варианте «Озанъ 1858 й» 'Казань 1858 год'). В настоящее время рукопись в единственном экземпляре хранится в Архиве Санкт-Петербургского отделения (филиала) РАН (Р. III, оп. 1, ед. хр. 213). В академию она была продана «за 100 рублей помощником библиотекаря Казанской Духовной Академии Ф. Земляничкиным» (о нем и его рукописном словаре: Сергеев 1988 : 292—295; 2002 : 53—55). В деле есть помета: «1872, ноябрь 28». Рукопись в течение 14 лет имела казанскую прописку.

Ознакомившись с рукописным памятником А. Канцеровского, можно констатировать, что он владел марийским языком и был прекрасным диалектологом. Уже тогда он знал, что существует два больших марийских диалекта — луговой и горный. Будучи преподавателем духовной семинарии и контактируя с учащимися, он легко улавливал их сходства и различия. Опыт работы позволил ему написать сопоставительную грамматику марийского языка. Следует отметить, что первое такое исследование создано немецким юристом Г. К. фон Габеленцом (Gabelentz 1841 : 122—139). На наш взгляд, А. Канцеровскому оно не было знакомо.

А. Канцеровский хорошо разбирался в тонкостях марийской фонетики. Языковое чутье помогало ему улавливать специфические фонемы как лугового, так и горного диалекта. В разделе «О правописаніи» он пишет: «в речи черемис встречаются такие звуки, каких в речи русской нет, потому необходимо заменить оныя некоторыми условными знаками, невыходящими, впрочем, из круга русского алфавита» (Р. III, оп. 1, ед. хр. 213, л. 4). Для марийских специфических губных гласных фонем *ö, ü* и смычного носового сонанта *ŋ* А. Канцеровский ввел лигатуры *î* и *o* (*ô*) для переднерядной огубленной фонемы *ö*, например: *ôрдужь* 'бок, сторона' (*изи-міôръ* 'земляника', *к'ôбекъ* 'замок висячий', *ошь к'ôôокъ* 'сивый'); *ü* — для переднего ряда лабиальной гласной фонемы *ü*: *ü* 'масло', *üльно* 'вверху' (правильно: 'внизу') (ср. *üдрямшь* 'женщина, женский пол'); *ŋ* — для заднеязычного смычного сонанта *ŋ*, например: *энгежъ* 'малина' (ср. *капка-менгэ* 'верей', *парэнгэ* 'картофель'). Марийский консонант *ŋ*, по А. Канцеровскому, «соответствует звуку татарской буквы *сагырь нунъ* (скрытое глухое *n*)». Языковое чутье А. Канцеровского подсказало, что «в горном наречии, кроме сего, встречаются следующие звуки: *ïö*, соответствующее *ï* и *ö*, например: *п'ïоль* 'облако'; *â*, долженствующая произноситься с придыханием, например: *âптыртâшь* 'препятствовать'» (Р. III, оп. 1, ед. хр. 213, л. 4—4 об.). Первое буквосочетание А. Канцеровским употреблено для обозначения гласной фонемы смешанного ряда *ï*, а вторая графема для нелабиальной фонемы *â*.

А. Канцеровский заметил такое фонетическое изменение в области согласных, как ассимиляция: «...буква *д* весьма часто в пословиях и в пословиях падежах², равно как и во втором лице множественного числа глаголов изменяется в *т*, например: *вюдъ* 'вода', пословный падеж имеет *вюдъ-дэкъ*, но произносится: *вют-тэкъ*...» (Р. III, оп. 1, ед. хр. 213, л. 4 об.). О заднеязычном глухом *к* он пишет: «...буква *к* иногда произносится как латинская *g*, например: *к'ôлтышимъ* 'я желал'» (Р. III, оп. 1, ед. хр. 213, л. 4 об.), ср. *колташ* II спр. '1) слать кого-что-л.; посылать, послать кого-что-л.; высылать, выслать кого-что-л.; рассылать, разослать кого-что-л.; присылать, прислать кого-что-л.; пересылать, переслать кого-что-л.;

² А. Г. Канцеровский модель существительное + послелог рассматривает как послеложный падеж.

отправлять, отправить кого-что-л.; отсылать, отослать кого-что-л.; подсылать, подослать кого-что-л.; направлять, направить кого-что-л.; 2) пускать, пустить кого-что-л. куда-л., что-л.; отпускать, отпустить кого-л.; распускать, распустить кого-что л.; пропускать, пропустить кого-л. куда-л.; упускать, упустить кого л.; 3) впрыскивать, впрыснуть что-л. кому-л.; 4) излучать что-л.; 5) рассказывать, рассказать (сказку); 6) спускать, спустить (воздух — напр., о баллоне); 7) употребляется как вспомогательный глагол для обозначения завершенности или начала действия' (Васильев, Саваткова, Учаев 1991 : 123). А. Канцеровский, чтобы отличить *g* от *k*, пользуется каморой (^), которая ставится над буквой *k*. Что касается некоторых «частей речи», А. Г. Канцеровский подчеркивает: «...только *предлог* принято называть *пословием*, т. к. онный всегда ставится после управляющего имени» (Р. III, оп. 1, ед. хр. 213, л. 5). В первой марийской грамматике и в рукописных словарях XVIII в. вместо *послелог* (у Канцеровского *пословие*) использовался термин *предлог*. Отметим еще одно замечание: «...имена оканчивающиеся на *o* в родительном перед *нь* имеют как *o*, так и *y*, например: *тото* 'лечь (рыба)', р. *тотонь*; *юмо* 'бог', р. *юмунь*» (Р. III, оп. 1, ед. хр. 213, л. 8). В марийском языке А. Канцеровский выделяет шесть падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, пословный, или послеложный), для образца дает склонение лексической единицы *кыль* 'струна': им. п. *кыль*, род. п. *кылыннь*, дат. п. *кыланнь*, вин. п. *кылымь*, зв. п. *ой кыль*, посл. п. *кыль-денэ* (ть).

Прекрасное знание фонетики и акцентологии марийского языка подтверждает также его высказывание: «для правильного произношения черемисских слов нужно принять еще знаки надстрочные». Так, А. Канцеровский вводит следующие надстрочные знаки: ` — «тяжелое ударение», ' — «острое», ^ — «облегченное для двогласных и согласных, когда имеют не натуральное произношение», ˇ — «знак короткого слога...» (подробнее: Сергеев 1994 : 100—106).

Уже отмечено, что «Краткое руководство к изучению черемисского языка...» сопровождает «Черемисский словарь» (лл. 37—192). Это первое лексикографическое произведение в XIX веке.³ По структуре оно — национально-русский, и это намного повышает его ценность, ср., например: *агурь* 'яр, омут', *видынче* 'вожатый; Ангел', *волгончо-Юмо* 'бог молнии', *паяринь марля* 'барышня', *уна-кудо* 'ночлег', *чодра каикь* 'зверь, дикий зверь', *Юль* 'Волга (река)', *ячокь* 'причетчик, дьячок'. Составитель словаря отмечает, что в памятник вошли лексические единицы только лугового наречия. Однако наше исследование показывает, что в нем есть и много лексем из горного диалекта. например: *кыцкаш* 'впрягать, запрягать', *пёртари* 'во-первых', *хадырь* 'средство', *хярь* 'совесть', ср. совр. марГ *кёцкаш* '1) запрягать; 2) перен. привлекать кого-н. к какому-л. делу' (Саваткова 1981 : 75), *пёртари*, *пёртари*, *пёртарли* 'первый (раз); 2) прежде всего, во-первых' (Там же, с. 135), *хадыр* 'вещь, предмет, инструмент; посуда' (Саваткова 1981 : 180), *хяр*, *хярт* (*устар.*) 'совесть, стыд' (Саваткова 1981 : 180). Богато представлена лексика «чокающего», и «цокающего» говоров (о палеографическом описании: Сергеев 2002 : 38). Важно, что в словарь смело включены этно-территориальные лексические единицы, например: *ати*, *ачи*, *атя*, *ача*, *тятя* 'отец', *вениге*, *венге* 'зять', *кацэ*, *каче* 'женых', *мызэ*, *мызэ* 'рябчик', *пыль*, *пыль* 'облако, туча', *тынь*, *тыне*, *тый* 'ты', *умалашь*, *малашь* 'спать', *шонарь*, *шонарь* *пыль* (*пыль*), *шунальбуль* 'радуга', *языкь*, *сулукь* 'грех'. Встречаются как фонетические, так лексические диалектизмы.

³ К XVIII веку относятся три больших словаря: «Краткий черемисский словарь с российским переводом...» кукарских священников В. Крекнина и И. Платунова (Эрм. собр. № 197/1), «Словарь черемисского языка с российским переводом» Дамаскина (ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 186 — черновой нижегородский вариант; Эрм. собр. № 218 — белойой санкт-петербургский вариант) и анонимный «Словарь языка черемисского» (Эрм. собр. № 216).

А. Канцеровский как преподаватель марийского языка Казанской духовной семинарии сделал много для просвещения учащихся марийцев. Он был талантливым учителем-методистом. Хорошее знание теории и собранный материал помогли ему составить марийско-русский словарь и грамматику марийского языка. В истории марийской письменности эта грамматика — первое произведение сопоставительного характера, подготовленное отечественным автором. В истории письменности А. Г. Канцеровский остался как талантливый фонетист, лексиколог, морфолог, диалектолог и великолепный лексикограф.

Address

Oleg Sergeev
Mari Research Institute of Language, Literature and History
E-mail: olsemar@rambler.ru

Сокращения

оп. — опись, р. — разряд, р. — в рукописном памятнике родительный падеж, Эрм. собр. — Эрмитажное собрание.

ИСТОЧНИКИ

- Архив Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук:
Марла оляш тунуктэмо сомул тюрлио руш шомак-шамычъ-гэ олок мари ойомэш возоктэн пыштэмо-шамычъ дэно. Краткое руководство к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям и Словарь. Составил преподаватель черемисского языка в Казанской семинарии Алексей Канцеровский. Казань, 1859. — Р. III, оп. 1, ед. хр. 213.
- Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Эрмитажное собрание):
Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым. 1785 года. — Эрм. собр. № 197/1.
- Словарь черемисского языка с российским переводом. — Эрм. собр. № 218.
Словарь языка черемисского. — Эрм. собр. № 216.
- Государственный архив Нижегородской области:
Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный. — Ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 186.
- Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета:
Смирнов А. Русско-черемисский словарь лугового наречия. № 1146.
- Национальный архив Республики Татарстан:
Ф. 116, оп. 1, д. №. 43.
Ф. 116, оп. 1, д. №. 863.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. 1991, Марла рушла мутер. Марийско-русский словарь, Йошкар-Ола.
Ерошкин Ю. В. 2012, Вишневецкий Павел Иванович (1813—1869). — История Марийского края в лицах. XIV — начало XX веков, Йошкар-Ола, 162—164.

- И в а н о в И. Г. 1975, История марийского литературного языка, Йошкар-Ола.
- К о н о н о в А. Н. 1982, История изучения тюркских языков в России. До-
октябрьский период, Ленинград.
- С а в а т к о в а А. А. 1981, Словарь горного наречия марийского языка,
Йошкар-Ола.
- С е р г е е в О. 1988, Рукописный словарь марийского языка Земляницкого.
— СФУ, 292—295.
- — 1994, О рукописных грамматиках 2-й половины XIX века А. Канце-
ровского и А. Смирнова. — FU 1, 100—106.
- — 2002, Истоки марийской письменности. Историко-лингвистический ана-
лиз рукописных памятников марийского языка XVIII—XIX веков, Йош-
кар-Ола.
- Э м а н С. И. 1939, Дореволюционные письменные памятники на марий-
ском языке. — Труды МарНИИСК. Вып. I. Вопросы языка, литературы,
фольклора и истории мари, Козьмодемьянск, 42—62.
- G a b e l e n t z H. C. v. d. 1842, Vergleichung der beiden tscheremissischen
Dialekte. — Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Band 4, 122—139.